

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. А. Дулина

**ОСМАНСКАЯ
ИМПЕРИЯ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЯХ
(30—40-е годы XIX в.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

9(М)31
Д79

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
С. Ф. ОРЕШКОВА

В работе рассмотрены важнейшие внешнеполитические проблемы Османской империи в 30–40-е годы XIX в.: турецко-египетский конфликт; дипломатические усилия Порты, пытавшейся вернуть в свое подчинение оккупированный в 1830 г. Францией Алжир; соперничество Османской империи и Франции в Тунисе; разногласия независимой Греции и Османской империи; заключение англо-турецкого торгового договора 1838 г. Показана роль европейских держав в решении этих проблем.

Большое внимание уделено деятельности видного турецкого дипломата Мустафы Решид-паши.

Д $\frac{10605-061}{013(02)-80}$ —64-80. 0506000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

Могущественная Османская империя, сложившаяся в результате завоеваний турками-османами в XIV—начале XVII в. огромных территорий на Балканах, Ближнем Востоке и Северной Африке, включала в свой состав многие страны и народы, находившиеся на различных стадиях социально-экономического и политического развития, различавшиеся между собой в этническом и религиозном отношении.

С последней четверти XVIII в. с особой очевидностью начинает проявляться отставание Османской империи от передовых европейских государств, где быстрыми темпами развивался капитализм. Османская империя стала терпеть крупные поражения в войнах, а внутри страны усилились национально-освободительные движения покоренных народов и центробежные устремления правителей областей.

Государственный строй Османской империи и его традиционные институты сдерживали развитие капиталистического уклада в экономике страны. Однако развитие этого уклада хотя и медленными темпами, но происходило, причем особенно в европейских провинциях империи, более тесно связанных с европейским рынком. Оно явилось той почвой, которая способствовала складыванию национальных общностей среди покоренных народов и росту национально-освободительных движений. Эти процессы по ряду причин проявились прежде всего среди греческого населения в последней четверти XVIII в., позднее — у сербского, болгарского и других народов. В 60–80-е годы XIX в. активизируется формирование национального самосознания у мусульманских народов Османской империи, в том числе арабов, курдов и самих турок.

Ослабление Османской империи и ее внутренние осложнения обострили борьбу европейских держав за экономическое подчинение империи и территориальный

раздел «османского наследства». Со всей остротой встал так называемый Восточный вопрос, привлекая к себе особое внимание в период греческого восстания в 20-е годы XIX в. и турецко-египетского конфликта 1831—1841 гг.

Истории Восточного вопроса посвящена обширная литература на европейских и ряде восточных языков, в XIX и XX вв. было опубликовано большое число источников. Однако по ряду причин в историографии крайне недостаточно освещена роль самой Османской империи в международных конфликтах XIX в., так как обычно в этот период она рассматривалась только как пассивный объект политических устремлений европейских держав. Так же мало изучена и история османской дипломатии.

Между тем Османская империя при всей своей слабости, отсталости и внутренних трудностях продолжала оставаться самостоятельным участником международных отношений, порой весьма успешно игравшим на противоречиях европейских держав.

В настоящей работе автор делает попытку изучения османской дипломатии 30—40-х годов XIX в. изнутри, т. е. с точки зрения внешнеполитических целей и задач османского правительства и тех методов, которые использовались османской дипломатией для достижения этих целей.

В период своего становления и могущества Османская империя воспринимала европейский мир как «страну войны», поддерживать с которой культурные и тесные политические контакты считала для себя унижительным. Мощь Османской империи и религиозные предрассудки были причинами государственной обособленности, которая явно сказывалась на всех областях государственной жизни. Контакты с европейскими странами были сведены до минимума. Эта политика затрудняла и знакомство европейцев с внутренней жизнью Османской империи. Поэтому, когда Порта* в конце XVIII в. начала осознавать свое отставание от Европы и была принуждена внешнеполитическими обстоятельствами вступить в постоянные дипломатические кон-

* Объяснение восточных терминов см. «Словарь терминов» (с. 185).

такты с европейскими государствами, она сделала этим важным шагом на пути более тесного взаимного знакомства Европы и Турции.

В 30—40-е годы XIX в. в Османской империи сложилась новая дипломатическая система, основоположником и наиболее ярким представителем которой был известный османский государственный деятель Мустафа Решид-паша (1800—1858). С его именем связан первый период внутренних реформ, вошедших в историю страны под названием «танзимат». Внешнеполитические проблемы, стоявшие перед Османской империей в этот период, явились одной из побудительных причин начала реформ. Изучение османской дипломатии, таким образом, можно рассматривать как один из подходов к выяснению причин и характера тех внутренних изменений, которые происходили в стране в этот сложный период ее истории.

Подобный подход к теме стал возможным в результате изучения турецких источников, ставших доступными исследователям в результате публикаций, осуществленных в Турции в последние 20—25 лет.

Издание современными турецкими историками значительного числа турецких документов, главным образом из государственных архивов Турции, а также частных собраний, относящихся к жизни и дипломатической деятельности Мустафы Решид-паши, позволило обратиться к изучению собственно турецкой дипломатии, ее целей, методов, возможностей и результатов.

Прежде чем характеризовать сами документы, скажем несколько слов об их издании. Одно из них, самое содержательное и наиболее обширное по объему, осуществлено Турецким историческим обществом в 1954 г. Подготовил его турецкий историк Решад Кайнар, в течение десяти лет собиравший документы и другие материалы о Мустафе Решид-паше [48].

Состав сборника Р. Кайнара, насчитывающего 565 страниц, довольно сложен. Кроме материалов, принадлежащих перу Мустафы Решид-паши и его современников, в сборник включены некоторые официальные документы, а также извлечения из турецких хроник, турецких исторических сочинений, написанных участниками и очевидцами событий. В издание Р. Кайнара также включены отрывки из сочинений, касающихся ре-

форматорской и дипломатической деятельности Мустафы Решида (28 страниц книги). По нашим подсчетам, почти 80% сборника составляют материалы источниковедческого характера. Это посольские донесения, записки, доклады султану, составленные Мустафой Решидом, а также протоколы заседаний меджлисов, протоколы дипломатических бесед турецких сановников с европейскими послами, письма и донесения государственных деятелей и чиновников Порты. Большая часть этих документов публикуется впервые.

В результате публикации Р. Кайнара эти материалы впервые стали доступны исследователям, которые не имеют возможности работать в турецких архивах. Многие документы хранятся, судя по заявлению составителя сборника, в его личной библиотеке.

Комментарии составителя сборника, включающие краткое описание исторической обстановки и событий, о которых идет речь, занимают 86 страниц, в том числе *предисловие и введение — 39 страниц*. Р. Кайнар отметил в предисловии, что он не стремился давать документам каких-либо собственных оценок, видя свою цель лишь в публикации источников.

Значительная часть документов не датирована¹. Тексты публикуются в латинской транскрипции. Факсимиле документов отсутствуют, что, разумеется, снижает научную ценность публикации.

Естественно, что специалисты, не работавшие в турецких архивах, не могут оценить сборник с точки зрения полноты публикации и качества передачи текста. Поэтому для нас особенно интересна оценка сборника, содержащаяся в рецензии, написанной в 1956 г. турецким историком, знатоком турецких архивов Эрджуемом Кураном [214].

О точности прочтения текстов Р. Кайнаром рецензент написал: «Несмотря на наличие некоторых неточных прочитанных слов, тексты документов напечатаны верно».

Говоря о полноте представленных в сборнике посольских донесений Мустафы Решида, рецензент отметил существенное упущение составителя. Он сообщил, что в стамбульском Центральном государственном архиве хранятся донесения Мустафы Решида из Парижа и Лондона, относящиеся к 1836—1837 гг., которые не

вошли в сборник Р. Кайнара. Позднее, в 1954—1963 гг., эти донесения были изданы турецким историком М. Джавидом Байсуном [46].

Издание Р. Кайнара имеет определенные недостатки. В сборнике отсутствует единая библиография использованной литературы, а в библиографических сносках много неточностей [см. 48, с. 3, 42 и 45, 48 и 160, 52 и 61, 150—151 и др.].

Составитель сборника не всегда указывает выходные данные ранее издававшихся документов. На это указывал и Э. Куран. Порой бывает трудно проверить, были ли уже изданы те или иные документы или они публикуются впервые, так как пояснения Р. Кайнара предваряют группу документов и остается неизвестным, имеют ли они равное отношение ко всем из них [см. 48, с. 65, 66—69, 69—72 и др.]. Имена некоторых европейских государственных деятелей представлены в искаженном виде², к именам других нет пояснений³.

Материалы, представленные в сборнике, относятся к событиям, которые завершаются 1846 г. О последних годах жизни Мустафы Решид-паши материалы пока не публиковались.

Посольские донесения Мустафы Решида за 1834—1837 и 1841—1845 гг. и другие материалы, опубликованные Р. Кайнаром, касаются следующих вопросов:

1) дипломатические усилия Порты и более всего Мустафы Решида, предпринятые с целью возвращения в состав Османской империи захваченного Францией в 1830 г. Алжира;

2) политика Порты и ее отношения с европейскими державами (Россией, Англией, Францией, Австрией и Пруссией) в связи с турецко-египетским конфликтом (Мустафа Решид в период конфликта исполнял обязанности посла во Франции и Англии, а с конца 1837 г. — министра иностранных дел);

3) турецко-французское соперничество в Тунисе;

4) турецко-греческие разногласия из-за территорий, населенных греками и оставшихся в составе Османской империи после предоставления Греции независимости в 1830 г.;

5) восстание в Ливане в 40-е годы XIX в., вмешательство европейских держав во внутренние дела Османской империи в связи с событиями в этом районе,

деятельность турецкой администрации в урегулировании ливанского кризиса;

б) в сборнике освещены также такие проблемы, как учреждение постоянных османских посольств за границей в 30-х годах XIX в., попытки противодействия вмешательству держав во внутренние дела государства в 40-е годы, роль Мустафы Решида в заключении англо-турецкого торгового договора 1838 г. и отношение его к договору и некоторые другие вопросы.

Большой объем сборника Кайнара занимают материалы, имеющие отношение к реформаторской деятельности Мустафы Решида и реформам танзимата вообще (184 страницы). Эти материалы в данной работе использованы лишь в той степени, в какой они имеют отношение к дипломатическим проблемам.

Турецкие источники, изданные Р. Кайнаром, до сих пор чрезвычайно мало использованы, да и то лишь для освещения реформ танзимата⁴.

Публикация посольских донесений Мустафы Решида из Парижа и Лондона, относящихся не только к периоду второго посольства (сентябрь 1835 — август 1837 г.), но и первого (сентябрь 1834 — апрель 1835 г.), осуществлялась М. Дж. Байсуном начиная с 1941 г.; всего до 1963 г. им выявлено и издано 65 посольских донесений [см. 45 и 46]. Из них Кайнар включил в свой сборник лишь незначительную часть. Обращает на себя внимание, что большая доля донесений, изданных Байсуном, датирована либо отправителем, либо канцелярией Порты в день поступления документов. М. Дж. Байсун сообщил, что часть документов шифрована и подверглась издателем расшифровке. Как и в издании Р. Кайнара, все донесения напечатаны латинским алфавитом без факсимиле.

Издание М. Дж. Байсуна отличается от публикации Р. Кайнара тем, что имена здесь тщательно выверены, документы снабжены точным указанием на место хранения и шифрами, а также необходимыми комментариями.

Обратимся теперь к анализу содержания турецких источников, имеющих непосредственное отношение к теме настоящей книги.

Большую часть упомянутых источников составляют посольские донесения Мустафы Решида из Лондона и

Парижа за 1834—1845 гг. Помимо донесений в нашем распоряжении имеются докладные записки Мустафы Решида султану⁵, докладные записки Порты султану, несколько писем, записок и заметок Мустафы Решида и другие документы. Среди них — ответ Мустафы Решида на памфлет французского автора М. Дестриля, обращенный против Мустафы Решида и его внутренней и внешней политики [159]. Содержание ответа (недатированного) показывает, что Мустафа Решид стоял за ликвидацию систем государственной регламентации в экономике, монополий и принудительных закупок по заниженным ценам и что многие турецкие сановники были их сторонниками [48, с. 129]. Этот документ послужил одним из оснований сделанного в данной работе вывода о том, что англо-турецкий торговый договор 1838 г. был заключен турецкой стороной не только под влиянием внешнеполитической необходимости, но и сознательно, с намерением создать объективные условия для развития капиталистического предпринимательства в экономике страны.

Посольские донесения Мустафы Решида явились основным источником данной работы. Их анализ и сопоставление с европейскими источниками позволили сделать ряд выводов, в том числе об активной целенаправленной деятельности турецкой дипломатии в 30—40-е годы XIX в., а также о достаточно высоком профессионализме турецкого посла Мустафы Решида, который проявился уже через полгода после его первого прибытия в Париж в 1834 г., во время переговоров с министром иностранных дел Франции об Алжире [48, с. 72—77].

Представляют чрезвычайный интерес посольские донесения Мустафы Решида из Лондона в 1836—1837 гг. Они показывают, как он пытался добиться у Пальмерстона более решительной поддержки султана Махмуда II в конфликте с Мухаммедом Али (Мехмедом Али), и свидетельствуют, что Пальмерстон не только был склонен допустить вооруженное столкновение армий султана и Мухаммеда Али, но в августе 1837 г. пытался побудить султана к этому [46, № 17—18, с. 183—185].

Такая позиция Пальмерстона, как нам известно, в историографии не нашла отражения. В европейской литературе дебатруется лишь вопрос о том, с ведома ли Пальмерстона английский посол в Стамбуле Понсонби

побуждал султана начать войну с Мухаммедом Али [см. 63, с. 74—75; 124, ч. 1, с. 301]. Это же донесение Мустафы Решида интересно тем, что содержит сведения о высказываниях Пальмерстона, направленных против политики Франции в Египте. Это чрезвычайно редкое свидетельство, так как во всех других доступных нам документах, относящихся к периоду до и после августа 1837 г., позиция официальных английских представителей и самого Пальмерстона заключалась в постоянном уверении Порты в том, что Алжир является исключением, а в других вопросах Франция всегда будет защищать интересы султана, так как она вместе с Англией выступает против восточной политики России. К сожалению, мы не располагаем достаточными данными, чтобы говорить о причинах этих изменений в позиции Пальмерстона именно в августе 1837 г. Однако безусловно определенную роль в этом изменении сыграла деятельность турецкого дипломата Мустафы Решида, добивавшегося поддержки Англии в вопросе о развязывании турецко-египетской войны [см., например, 46, № 14, с. 65—70, № 15, с. 137—138].

Донесения из Лондона подтверждают, что назначение Мустафы Решида министром иностранных дел было признаком англо-турецкого сближения [124, ч. 1, с. 293]. Об этом свидетельствует докладная записка нового министра султану Махмуду II, представленная им осенью 1837 г. [48, с. 84—93]. В этом интересном документе содержится предложение автора записки ориентироваться на Англию для ликвидации турецко-египетского конфликта. Мустафа Решид всесторонне обосновал свою точку зрения. Для этого он подверг анализу внешнюю политику Англии, Франции, Австрии, Пруссии и России, показал, в чем сходятся их интересы и в чем они различны, а также — как относятся эти державы к враждующим сторонам — султану и Мухаммеду Али. Стараясь убедить Махмуда II согласиться с его планами, он стремился усилить недоверие к политике России. В то же время Мустафа Решид советовал не портить отношений с Россией, а лишь не прибегать к ее военной помощи, обусловленной Ункяр-Искелесийским договором, против которого активно выступали западноевропейские державы. Касаясь Англии, Мустафа Решид доказывал султану, что ее помощь Порте не будет

бескорыстной — выступая против Мухаммеда Али, она одновременно выступает против России, разногласия с которой затрагивают ее интересы в Иране и якобы в Индии. Указание на своекорыстную заинтересованность Англии, очевидно, было веским доводом для убеждения султана принять предложение Мустафы Решида о путях ликвидации турецко-египетского конфликта.

Согласившись с мнением министра иностранных дел и изменив внешнеполитическую ориентацию, Порты, однако, не отказалась совсем от союза с Россией, а, напротив, стремилась его ничем не нарушить, так как он предоставлял ей ощутимые выгоды. О заинтересованности Порты в поддержании дружественных отношений с Россией свидетельствуют многие документы 1834—1839 гг., в том числе посольские донесения Мустафы Решида из Парижа и Лондона за 1834—1837 гг. [см. 48, с. 65; 46, № 15, с. 133—136, № 16, с. 49—53, № 17—18, с. 176—178, 181—183]; протокол заседания Порты, которое проходило в первой половине 1839 г. [53, т. 6, с. 17] после отказа Англии подписать турецкий проект англо-турецкого договора против Мухаммеда Али; хатт султана о миссии Мустафы Решида в Лондон в 1838 г. [48, с. 142—144].

Докладная записка Мустафы Решида, содержащая оценку международных отношений тех лет, позволяет судить о высокой степени компетентности Мустафы Решида, его дипломатическом таланте.

Представляют интерес отчеты (донесения) Мустафы Решида из Лондона и Парижа в 1839 г., когда он, будучи министром иностранных дел, добивался подписания с Англией союзного договора, направленного против Мухаммеда Али. Эти отчеты свидетельствуют об отношении Англии к готовившемуся вооруженному столкновению султанской и египетской армий. Несмотря на отказ Пальмерстона подписать турецкий проект договора, он дал обещание Мустафе Решиду в начале июня 1839 г. направить к месту конфликта военный флот и вмешаться в события в случае, если армия султана потерпит поражение, т. е., по словам Мустафы Решида, собирався придерживаться «осторожной политики» [48, с. 154].

В европейской историографии неизвестно содержание совещаний послов Англии, России, Австрии и Пруссии,

аккредитованных в Стамбуле, под председательством министра иностранных дел Порты Мустафы Решида для выработки условий урегулирования турецко-египетского конфликта в конце 1840 — первой четверти 1841 г. Протоколы этих заседаний [48, с. 343—372] говорят о заинтересованности Англии в ослаблении Мухаммеда Али и в принятии таких условий подчинения султану, которые лишили бы его возможности проводить независимую политику. Документы свидетельствуют, что позиция английского посла Понсонби была столь жесткой, что Мустафа Решид вынужден был писать о ней султану как о неприемлемой, поскольку она вызывала возражения послов других европейских держав [48, с. 374—380].

Посольские донесения Мустафы Решида дают материал для исследования турецко-греческих разногласий, главным образом территориальных, в первой половине 40-х годов XIX в. и франко-турецкого соперничества в Тунисе в эти же годы. Этот документальный материал позволил осветить мало известные страницы из истории борьбы греческого населения, оставшегося в составе Османской империи, за присоединение к Греции и роль европейских держав в турецко-греческих разногласиях. Так же мало известна и политика тунисского бея, пользовавшегося франко-турецким соперничеством для приобретения большей доли независимости от Порты.

Благодаря турецким публикациям в нашем распоряжении имеются две инструкции послам⁶: 1) заместителю посла Рухиддин-эфенди, данная Портой в первой четверти 1835 г. [45, № 12, с. 453; 48, с. 77], когда Мустафа Решид отправился в отпуск в Стамбул; 2) Мустафе Решиду, назначенному послом в Париже в сентябре 1841 г. [48, с. 393, 492].

Первый документ интересен оценкой Алжира как «бесполезного места» для Османской империи. Во втором — представляет интерес оценка англо-французской коалиции с точки зрения внешнеполитических интересов Порты.

Известен также отрывок из третьей инструкции (без адресата), касающийся Алжира [45, № 7, с. 49, прим. 2].

Из нарративных турецких источников наибольший интерес представляет хроника турецкого историографа

Ахмеда Лютфи [53], охватывающая события 1825—1849 гг. В хронике Лютфи имеются записи некоторых бесед турецких сановников с европейскими послами о внешнеполитических проблемах (например, беседа Кани-бея с Понсонби), а также протоколы заседаний турецкого правительства. Лютфи оценивал англо-турецкий договор 1838 г. как акт, навязанный извне, но в то же время отмечал, что некоторые члены султанского правительства признавали систему монополий и ограничений вредной для торговли, а свободную торговлю способствующей благосостоянию страны и подданных.

Названные турецкие источники оставляют пробелы в изложении темы, не дают полного представления о всем течении внешнеполитических осложнений Османской империи. Это относится прежде всего к истории турецко-египетского конфликта, хотя и в данной работе и вообще в историографии она освещена наиболее пространно. Остаются невыясненными разногласия сторонников русской и английской ориентаций в султанском правительстве, сомнения турецких сановников и самого Мустафы Решида, которые, очевидно, имели место в различные моменты их деятельности. Остались не вполне выясненными причины довольно резкого отзыва Пальмерстона в августе 1837 г. о позиции Франции в Египте и о причинах изменений английской политики в отношении турецко-египетских разногласий именно в этот момент.

Не вполне ясна степень одобрения Мустафой Решидом условий торгового англо-турецкого договора 1838 г. и его дальнейшее отношение к ним после вступления этого договора в силу. Не определен с полной достоверностью ряд дат, например время приезда Мустафы Решида в Лондон для заключения англо-турецкого военного договора против Мухаммеда Али. У Лютфи не указана дата заседания султанского правительства, на котором обсуждался английский проект договора, присланный Мустафой Решидом из Лондона. Также не датирована копия английского договора, хранящаяся в архиве внешней политики России (АВПР) [19, л. 75—76].

Не вполне определены причины смещения Мустафы Решид-паши с поста министра иностранных дел в марте 1841 г. после успешного и почти полного завершения

турецко-египетского конфликта и награждения его бриллиантовой звездой. Остается неясным, было ли это сделано под давлением Австрии, опасавшейся возобновления вооруженного конфликта со стороны Франции и Мухаммеда Али в случае затягивания условий урегулирования, или это было делом рук внутренней оппозиции.

Большое сожаление вызывает малочисленность публикаций посольских инструкций Мустафе Решиду. Отсутствуют инструкции Порты при первом назначении его послом в Париж в 1834 г. и при переезде в Лондон осенью 1836 г. Последняя была бы особенно важна для уяснения позиции Порты в тот момент по отношению к Англии и России.

Из актового материала в работе использованы тексты Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. [39, с. 89—92], Мюнхенского соглашения 1833 г. [34, т. 4, ч. 1, с. 438], англо-турецкого торгового договора 1838 г. [49, т. 1, с. 272; 41, с. 110—111; 42, с. 249—253], турецкий проект англо-турецкого договора о союзе против Мухаммеда Али [53, т. 6, с. 7—8; 48, с. 131], английский проект того же договора (копия на французском языке) [19, л. 75—76], Гюльханейский хатт 1839 г. [48, с. 176—180; 39, с. 171—175; 42, с. 288—290], решения лондонских конференций 1840—1841 гг. [34, т. 12, с. 130—141; 40, ч. 3, с. 689—697; 42, с. 305—314; 43, т. 2, с. 417; 49, т. 4, с. 212—215; 48, с. 331—335].

Ряд ценных сведений о деятельности турецкой дипломатии содержится в документах АВПР, в том числе донесениях российского посла в Стамбуле А. П. Бутенева, которые касаются непосредственных переговоров Мухаммеда Али с Портой в июле 1839 г. и в конце 1839—начале 1840 г. [19, л. 370—380; 22]. В АВПР хранится также копия английского проекта англо-турецкого договора (на французском языке), предложенного Англией в 1839 г. взамен турецкого проекта [19, л. 75—76].

Ряд сведений, касающихся отдельных моментов истории османской дипломатии, содержится в сочинениях современников описываемых событий, которые длительное время проживали в Турции, хотя эти сочинения посвящены другим проблемам либо являются общими работами об Османской империи. Среди их авторов —

русский консул в Бейруте в 1839—1853 гг. К. М. Базили [27]; Мураджа Д'Оссон, шведский дипломат и историк, оставивший обстоятельное описание Османской империи [160, т. 3, с. 437—463]; И. Хаммер, австрийский дипломат, ориенталист, автор многотомной истории Турции [168, с. 158—167]; В. А. Теплов, российский дипломат, служивший в Стамбуле в 70-е годы XIX в. [134; 135]; И. Н. Березин, известный русский ориенталист [81]; Г. Мольтке, прусский офицер, бывший инструктором в турецкой армии с 1833 г. [103; 37, № 9].

Очень ценным для данной работы явилось исследование сотрудника прусского посольства в Османской империи в 40—60-е годы XIX в. Г. Розена (в русском переводе его книги — Д. Г. Розен). Автор пользовался материалами государственных архивов Пруссии и европейской прессы, а также личными наблюдениями. Сочинение посвящено не столько внутренним реформам, сколько политической и дипломатической истории Османской империи. Одновременно в книге освещаются многие вопросы политики европейских держав, касающейся Турции. Несмотря на явно выраженную тенденцию в освещении позиции султанского правительства, за которой автор не признавал какой-либо самостоятельности, книга содержит многочисленный фактический материал, нигде более не зафиксированный. Он один из немногих авторов, которые отмечали, что Англия в первую половину 30-х годов XIX в. намеревалась поддерживать не султана, а Мухаммеда Али, и лишь со временем совершенно отказалась от такой позиции. В книге Розена большое внимание уделено развитию англо-турецких отношений в 20—50-е годы XIX в. [124].

Перечисленные сочинения [27; 160; 168; 134; 135; 103; 37; 124], написанные очевидцами и участниками событий, имеют одновременно характер источников и исследований.

Итак, турецкие источники позволили в известной степени заполнить существовавший пробел и дополнить имевшиеся сведения о сложных международных отношениях в период 30—40-х годов XIX в. материалами о деятельности турецкой дипломатии. Отрывочные данные европейских источников о целях и усилиях Османской империи существенно корректируются турецкими данными, преодолеваются отдельные заблуждения, по-

рожденные недостаточной осведомленностью. Одно из них — легенда, появившаяся в первой половине XIX в. и основанная на европоцентристском мировосприятии о якобы совершенно зависимом от той или другой европейской державы характере османской дипломатии. Необоснованность столь категорических выводов отдельные русские историки и дипломаты отмечали еще в начале XX в. [см. 115, с. 70—71; 133, с. 27]. Свое сомнение в истинности такой оценки османской дипломатии они обосновывали фактами из истории русско-турецких отношений. Однако без достаточно широкого знакомства с турецкими источниками было невозможно удовлетворительное решение проблемы. Русские и западноевропейские источники менее надежны по причине недостаточной осведомленности их авторов. Эти особенности европейских источников отмечали классики марксизма и некоторые исследователи международных отношений [12, с. 22; см. также 85, с. 560; 102, с. 19; 63, с. 25, 27].

В последние годы появился ряд исследований советских и зарубежных историков, которые непосредственно связаны с внешнеполитическими и дипломатическими проблемами Османской империи XIX — начала XX в. В них присутствует один общий вывод — Османская империя, несмотря на экономическую и отчасти политическую зависимость от империалистических держав, в XIX — начале XX в. сохраняла определенную долю самостоятельности во внешнеполитической и дипломатической областях, искусно используя противоречия между различными государствами и их группировками; ей было присуще понимание собственных интересов и умелое преследование своих целей [см., например, 57, с. 4; 63, с. 76; 127, с. 6; 183; 195]. Эту же мысль подтверждают и источники, на которых базируется наше исследование.

Основополагающими трудами для данного исследования явились труды классиков марксизма, которые уделяли большое внимание Восточному вопросу и вопросам внешней политики Англии, России, Австрии, Франции, в меньшей степени — Турции. К. Маркс и Ф. Энгельс показали своеобразные цели и взаимные противоречия европейских держав в Турции. В их трудах нашли оценку реформы, осуществлявшиеся в Османской империи, а также состояние национального

вопроса и вмешательство европейских держав в его решение. В 1853 г. Ф. Энгельс отмечал, что сохранение статус-кво в Османской империи означало увековечение угнетения Турцией христианских подданных Порты и что это положение вынуждало 10 млн. православных христиан в Европейской Турции обращаться за помощью к России [13, с. 32].

Большое внимание политике европейских держав в связи с Восточным вопросом уделено в трудах советских историков, основные выводы которых использованы автором данной работы. К ним относятся коллективные труды «Всемирная история» [61, т. 6], «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в.» [60а], «История дипломатии» [85], «История стран Азии и Африки в новое время» [87], «Новая история стран зарубежной Азии и Африки» [108], «История национально-освободительной борьбы народов Африки в новое время» [85а], а также исследования В. А. Георгиева [63], Н. С. Киняпиной [90; 91], В. Б. Луцкого [97], А. Ф. Миллера [100; 102], С. Б. Окуня [116], А. В. Фадеева [142] и др. Советские историки подвергли анализу причины политической и экономической экспансии европейских держав в Османской империи и показали общую направленность их политики.

Книга В. А. Георгиева «Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40-х годов XIX в.» непосредственно касается «второй фазы» турецко-египетского конфликта (1838—1841). В. А. Георгиев написал свой труд на основе широкого привлечения документов из русских архивов, а также с учетом изданных материалов из европейских архивов и широкого круга русских, советских и европейских исследований. Его книга помимо общих выводов интересна многими деталями, имеющими непосредственное отношение к турецкой дипломатии и внешней политике.

Статья Е. Н. Кушевой посвящена малоразработанной в европейской историографии проблеме — предположительно неосуществившегося русско-французского союза при Николае I [95], т. е. тому вопросу, который весьма заботил турецкую дипломатию и которому большое значение придавали посол, затем министр иностранных дел Османской империи Мустафа Решид-паша и султанское правительство.

Для описания восточной политики европейских держав были использованы также исследования русских дореволюционных историков — С. Горяинова [65], Б. Э. Нольде [115], С. С. Татищева [132] и др. Несмотря на ряд методологических недостатков, эти труды полезны своим фактическим материалом. В работе С. С. Татищева, основанной на большом архивном и документальном материале, в том числе русском, австрийском, английском и французском, встречаются отрывочные сведения из истории османской дипломатии. Приведены весьма важные для нашей темы сведения, в том числе заявление турецкого посла в Лондоне в 1832—1833 гг. Намык-паши о том, что султан не допустит совокупного вмешательства европейских держав в свои дела; есть упоминание о возможности русско-французского союза в 30-е годы, что вызывало беспокойство Англии и Австрии, и др. Однако события, которые касаются Османской империи, часто изложены хронологически неточно.

Труды западноевропейских буржуазных историков, касающиеся восточной политики европейских держав, несмотря на присущую им тенденциозность, ценны фактическим материалом. Из них нами были использованы работы представителей как либерального направления в историографии — А. Дебидур [71], В. Пэррир [180], Ф. Родки [182], так и реакционно-консервативного — Ф. Бейли [151] и Ф. Мосли [178] и др.

А. Дебидур большое внимание уделил англо-французскому соперничеству на Востоке.

В исследовании Ф. Бейли привлечен большой документальный материал из английских архивов, в том числе в приложении представлена запись беседы Пальмерстона с министром иностранных дел Турции Мустафой Решид-пашой 12 августа 1839 г. Мустафа Решид изложил свои взгляды о характере реформ, которые он намеревался осуществить, о своем отношении к статусу христианского населения в Османской империи и о роли вмешательства европейских держав в турецкие преобразования.

В книге Ф. Мосли, использовавшего материалы главным образом русских архивов, содержится подробное описание посольства Мустафы Решиды в Лондон в начале 1839 г. для заключения англо-турецкого договора против Мухаммеда Али.

Представляет интерес исследование английского историка Л. К. Броуна об истории Туниса при Ахмед-бее (1837—1855) [154]. Он подверг анализу внешнюю политику тунисского бея, подданного Османской империи, однако постоянно стремившегося расширить границы своей независимости от центрального правительства. Ахмед-бей, пользовавшийся для достижения этой цели поддержкой Франции, считал полезным не порывать окончательно политической зависимости от Порты, чтобы не быть поглощенным Францией. Освещение Броуном внешней политики Ахмед-бея позволило более полно представить сущность турецко-французского соперничества в Тунисе. В книге Броуна имеются данные о том, что Англия стремилась помешать Франции утвердить ее влияние в Тунисе.

Анализу статуса Алжира, Туниса и Триполитании в составе Османской империи посвящена статья французского исследователя Р. Мантрана [176], представляющая несомненный интерес для освещения внешней политики Османской империи, связанной с этими провинциями.

Полезной фактическими данными явилась статья английского исследователя К. В. Финдлея [166], который подробно рассмотрел устройство ряда османских учреждений, в том числе и ведавших внешнеполитическими делами до 30-х годов XIX в. и в этот период. Однако автор сосредоточил внимание лишь на сохранении османских традиций, а не на принципиальных изменениях в османской дипломатии в это время, что снижает ценность статьи.

Американский ученый Дж. К. Хоревитц в статье «Европеизация османской дипломатии» обратил внимание на малую изученность ее истории и предложил периодизацию этапов ее развития [169].

Ряд вопросов, касающихся непосредственно османской дипломатии, освещен в работах турецких историков. Хотя необходимо заметить, что они немногочисленны. На турецком языке есть лишь одно исследование, специально посвященное турецко-египетскому конфликту 1831—1841 гг., — книга Шинаси Алтундага о восстании Мухаммеда Али-паши [198]. К сожалению, опубликована лишь первая часть труда, в которой освещаются события 1831—1833 гг., т. е. начала конфликта. Ш. Ал-

тундаг привлек материалы турецких архивов и на их основании подробно описал задачи и результаты миссии турецкого посла Намык-паши в европейские столицы в 1832—1833 гг. Ш. Алтундаг сообщил содержание инструкции послу, в которую были включены условия урегулирования конфликта, выдвигавшиеся султаном, для информации государственных деятелей Европы.

Исследование Ш. Алтундага внесло ясность в вопрос о посольстве Намык-паши, который трактовался весьма противоречиво и неполно. Автор подверг анализу результат заключения Ункяр-Искелесийского договора и справедливо отметил, что договор способствовал усилению взаимного соперничества европейских держав, что оказалось полезным султанской Турции.

Начальному и завершающему периоду конфликта уделено внимание в обобщающем труде известного турецкого историка Э. З. Карала «Османская история» (т. 5) [208], в котором он отметил некоторые положительные последствия Ункяр-Искелесийского договора 1833 г. и затронул вопрос о причинах восстановления Мухаммеда Али, не упомянув о его социально-экономических предпосылках. В этом обобщающем труде автор, знаток турецкой истории, коснулся и других вопросов, имеющих отношение к истории османской дипломатии, в том числе причин политики изоляции, которой придерживалась Османская империя до конца XVIII в., и обстоятельств, побудивших ее обратиться к тесным контактам с Европой.

Борьбе османской дипломатии за возвращение оккупированного в 1830 г. Францией Алжира в состав Османской империи посвящено исследование Э. Курана «Османская политика (1827—1847), направленная против оккупации Алжира французами» [215]. Оно основано на материалах турецких архивов и содержит сведения о деятельности турецких послов в Лондоне (Нури-эфенди) и в Париже (Мустафы Решиди) в 1835—1837 гг. Э. Куран является также автором статьи о франко-алжирских отношениях до 1827 г. [216]. Здесь он использовал широкий круг литературы, а также французские и турецкие источники. В статье содержатся подробные сведения о событиях, которые послужили предлогом для захвата Алжира Францией. Причину же

оккупации Э. Куран видит в геополитике: «Османская империя далеко, Франция — близко» [215, с. 61].

Статья Дж. Бильселя о внешней политике Порты в период танзимата касается главным образом проблемы гарантий целостности Османской империи, о которой европейские державы впервые заговорили на Венском конгрессе в 1815 г. [203]. Автор показал относительную ценность европейских гарантий.

Ф. Р. Унат собрал сведения о турецких послах, посланных в XVI—XIX вв. в Европу, и их отчетах султанскому правительству [228].

Истории турецко-английских дипломатических взаимоотношений посвятил небольшое по объему исследование А. Н. Курат [217]. Ему же принадлежит весьма интересная статья о внешней политике Османской империи в начале XVIII в., когда она, следуя принципу изоляции и будучи ослабленной войной со «Священной лигой», не вмешивалась в последующие европейские войны, несмотря на все усилия Швеции и Франции [218].

Ряд работ турецких авторов, к сожалению, оказался нам недоступен.

Одним из центральных вопросов внешней политики Османской империи в изучаемый период был англо-турецкий торговый договор 1838 г. Анализ условий договора потребовал от автора данной работы выявления тенденций экономического развития Османской империи до 1838 г. и влияния условий договора на это развитие.

Оценка экономических последствий договора (одновременно — и причин экономической отсталости Османской империи в XIX в.) до сих пор вызывает разногласия. Большинство буржуазных западноевропейских историков, стремясь представить английскую внешнюю политику как совершенно бескорыстную, подчеркивают лишь положительные экономические последствия договора. Напротив, многие турецкие историки и экономисты обращают внимание лишь на его негативные стороны.

Общую оценку договора дал К. Маркс [см. 5, с. 404]. При анализе договора автор данной работы опирается на советские исследования, в которых отражены данные об уровне развития экономики Османской империи в 30—50-е годы XIX в. [см. 56, с. 6, 14—17, 26—28; 69,

с. 50, 90, 148, 263—320, 338—341, 350—356; 70, с. 45; 82, с. 35, 43, 48, 55; 83, с. 47; 88, с. 415; 96, с. 59; 97, с. 99; 99; 100, с. 66—67, 82; 110, с. 151—162, 192; 113, с. 73, 101; 114; 120, с. 178; 121, с. 145, 259, 262; 125, с. 127—128; 126, с. 47; 128, с. 281—296, 301—313; 129, с. 70].

Были использованы также труды болгарских историков, которые интенсивно и плодотворно изучают прошлое своей страны, входившей в рассматриваемый нами период в состав Османской империи [см. 58, с. 98; 94; 105, с. 125—128, 174, 197—206; 137, с. 39—40, 45, 48—49, 52; 138, с. 46, 52, 185—186, 195—196, 267; 188, с. 83—85].

Ценные фактические сведения об уровне экономики различных районов Османской империи в XIX в. (о системе монополий и принудительных закупок до 1839 г., о тормозящем характере налоговой политики Порты до и после 1839 г., о сельскохозяйственном производстве, реформах в финансовом деле, росте торговых оборотов после 1839 г.) содержатся в сочинениях европейцев, живших там и изучавших страну [см. 27, с. 243—244; 31, ч. 1, с. 285; ч. 2, с. 282, 286—287; 33, с. 258, 283, 295; 35, с. 67—68; 37, № 9, с. 124; 141, с. 129; 163, с. 102—103; 189, с. 319, 325, 376—379, 390].

Были использованы специальные статьи, а также ряд сведений из монографий турецких авторов, посвященных различным аспектам экономического развития Османской империи [см. 200, с. 54, 69—77; 153, с. 139—140, 507; 203, с. 28; 204, с. 68, 91—93; 164, с. 79—80; 206, с. 110—111; 208, с. 177; 209, с. 121, 205, 207, 242—250, 256—259, 285—286; 212, с. 17, 119—122; 170, с. 99—100; 48, с. 191—316, 361, 368, 376; 92, с. 5—17; 172, с. 47, 51, 53; 220, с. 4—12, 15; 224, с. 1—2, 24; 226, с. 66, 69—72, 81—87].

Полезный фактический материал об уровне развития торговли и экономики Османской империи был извлечен из исследований русских дореволюционных, а также западноевропейских авторов, писавших в XX в. [см.: 80, с. 156; 106, с. 76—85, 150, 188, 224; 124, ч. 1, с. 306—307; 162, с. 7—8; 177, с. 395; 180, с. 118, 124—125, 127, 187].

Для более полной оценки внешнеполитических проблем Османской империи в данной работе коротко рас-

смотрена реформаторская деятельность Мустафы Решид-паши. Внутренние реформы имели прямую связь с внешней политикой, так как сохранение целостности государства, особенно его европейских провинций, зависело от улучшения внутреннего положения в стране. Кроме того, Мустафа Решид отдавал себе отчет в том, что осуществление реформ скажется положительно на общественном мнении европейских стран и, следовательно, будет способствовать благоприятному решению внешнеполитических проблем.

Буржуазный характер реформ в Османской империи отметил Ф. Энгельс [см. 10, с. 468]. Эту главную особенность реформ танзимата подчеркивали советские историки.

О программе реформ Мустафы Решида свидетельствуют три составленных им документа⁷ и сами преобразования, инициатором которых был Мустафа Решид-паша. Ценный, главным образом документальный, материал содержится в упоминавшемся сборнике Р. Кайнара [48, с. 86, 164—316], в том числе о мероприятиях Порты, стремившейся довести до всех кругов населения смысл преобразований, об отношении части правящих кругов и чиновничества к преобразованиям, о самих реформах и отношении к ним за границей, о роли в преобразованиях Мустафы Решида.

Ценные сведения о реформах танзимата содержатся в упоминавшихся сочинениях современников реформ [см. 27, с. 247—248; 28, с. 46, 49; 53, т. 5, с. 106; т. 8, с. 390], в том числе в известном труде французского консула в Белграде Э. Энгельгарда, специально посвященном реформам танзимата [163].

Большое внимание преобразованиям в Османской империи уделяют советские туркологи [см. 82; 99; 77, с. 68; 110, с. 109—126, 136—198; 100, с. 68—70; 121, с. 39—42, 50—55; 125; 128—129; 146]. В последние десятилетия история Османской империи стала объектом пристального внимания ряда зарубежных ученых, написавших статьи и монографии по названной теме [см. 156; 158, с. 78; 185, с. 57, 62, 63]⁸. Новые материалы и выводы, касающиеся внутренних процессов и изменений, в том числе в традиционной идеологии, содержащиеся в этих трудах, учтены в данной книге.

В предлагаемой вниманию читателей работе основное

внимание уделено наиболее острым внешнеполитическим проблемам тех лет — турецко-египетскому конфликту; стремлению османских властей вернуть оккупированный Францией Алжир; нейтрализации планов Греции, стремившейся расширить свою территорию; турецко-французскому соперничеству в Тунисе. Разумеется, данное исследование не претендует на охват всего объема проблем международных отношений 30—40-х годов XIX в., касающихся Османской империи. Мы ограничились лишь теми из них, в решении которых Османская империя в этот период действовала наиболее активно. В условиях существования Восточного вопроса и дальнейшего развития процесса вовлечения империи в мировое капиталистическое хозяйство она изыскивала возможности приспособиться, играя на противоречиях великих держав и проводя частичные внутренние преобразования, к мировым экономическим, социальным и политическим изменениям. В дальнейшем революции 1848—1849 гг. и последовавшие за ними события привели к новому обострению Восточного вопроса, знаменовали начало его новой фазы, завершившейся Крымской войной, что порождало и новые проблемы для османской дипломатии.

Все хронологические даты в работе представлены в европейском григорианском летосчислении. При переводе дат хиджры были использованы хронологические таблицы Р. Уната, И. А. Орбели и В. В. Цыбульского [см. 227; 117; 145].

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Османская империя в 20-е — начале 30-х годов XIX в. и европейские державы	25
Глава II. Изменения в османской дипломатии в 30-е годы XIX в.	43
Глава III. Османская дипломатия и турецко-египетский конфликт (1833—1838)	61
Отношение Порты к восточной политике европейских держав в период конфликта	61
Посольская деятельность Мустафы Решид-бея в Париже и Лондоне в 1834—1837 гг.	68
Глава IV. Сближение с Англией и англо-турецкий торговый договор 1838 г.	81
Глава V. Дипломатическая борьба на завершающих этапах турецко-египетского конфликта (1838—1841)	98
Турецкая инициатива в заключении англо-турецкого союза против Мухаммеда Али	98
Переговоры по Восточному вопросу и реформы танзимата	108
Дипломатическая борьба в Стамбуле	114
Подавление восстания Мухаммеда Али	117
Стамбульские совещания	122
Результаты деятельности османской дипломатии в период конфликта	127
Глава VI. Турецко-греческие отношения	130
Глава VII. Алжирская проблема в османской внешней политике	139
Глава VIII. Турецко-французское соперничество в Тунисе	150
Заключение	158
Примечания	165
Источники и литература	173
Словарь терминов	185

Нинель Александровна Дулина

**Османская
империя
в международных
отношениях
(30—40-е годы XIX в.)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор М. И. Штемпель
Младший редактор Н. Н. Комарова
Художник Е. В. Бекетов
Художественный редактор Э. Л. Эрман
Технический редактор З. С. Теплякова
Корректор Р. Ш. Чемерис

ИБ № 13910

Сдано в набор 20.09.79. Подписано к печати 18.02.80. А-01740. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Уч.-изд. л. 10,47. Тираж 2000 экз. Изд. № 4598. Зак. № 651. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28